

ЧАЕПИТИЕ
С БОГОМ

Михаил Сердюков

Михаил Михайлович Сердюков
Алексей Данилов
Чаепитие с Богом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68510679

SelfPub; 2022

Аннотация

Клиент на сеансе у психолога утверждает, что он нашел Бога внутри себя. Психолог желает разобраться, как Бог общается с ним, и как клиент понял, что это именно Бог? Пациент не стремится отвечать на вопросы специалиста – вместо этого он напоминает ему о том, как психолог в детстве заставил его съесть майского жука... Рассказ про детскую травму, месть, Бога и жука. И почти никакого чая.

Михаил Сердюков

Чаепитие с Богом

В просторной комнате, среди мебели из красного дерева сидели двое мужчин. Несколько секунд назад они пожали руки. Человек среднего возраста в хорошо отглаженных брюках и белой рубашке представился Сергеем, а мужчина в летних шортах с карманами по бокам – Андреем Михайловичем. Они были спокойны и сидели молча, словно играли в молчанку. Плотный ковер с узорами расположился под ногами гостей, создавал домашний уют. В воздухе стоял аромат древесных духов вперемешку с запахом сирени. Над входной дверью напротив них висели механические часы в деревянной оправе. Они ходили так тихо, что необходимо было приложить усилия, чтобы услышать их.

– Все началось со стихов Бродского, – начал Андрей Михайлович. – Вы любите стихи?

– Люблю, – коротко ответил Сергей.

Сергей пробежался взглядом по клиенту. Андрей Михайлович сидел в коричневых босоножках, одетых на черные носки, и футболке с принтом Микки Мауса на груди. Его седые волосы и серая борода никак не сочетались с его возрастом и вызывали неоднозначные чувства. Внешний вид подростка и нестандартное расположение глаз – они располагались далеко друг от друга – делали Андрея Михайловича

комичным персонажем из нашумевшего фильма Спилберга “Инопланетянин”.

– Вот и я люблю, – сказал Андрей Михайлович. – Раньше читал Маяковского, Есенина, реже – Бунина, а тут ко мне попался сборник Бродского – такой, знаете, выдавший виды. Я бы сказал, потертый жизнью, а раз он потертый, то, значит, толковый сборник. Такой вывод я сделал. – Мужчина задумался и перевел внимание на окно, за белыми занавесками просматривалась полоска синего чистого неба. – Если книга чуть ли не разваливается в руках, то, значит, ею зачитывались. А раз ее читали, то она наверняка знала тепло людских рук и кому-то помогла скоротать не один вечер. – Он посмотрел на Сергея. – Вот скажите, если бы вы были книгой, то какой бы стали: домашней на полке или книгой в чем-то рюкзаке?

Сергей закинул ногу на ногу, повторяя положение тела мужчины напротив. И поправил свои аккуратно зачесанные волосы:

– Книга не может выбирать, – ответил он.

– А если использовать эту идею как метафору? Если бы книга имела такую возможность? Прямо как человек. Человек же способен делать выбор?

– Способен, – сухо заметил Сергей.

– Вот если бы вы были той самой книгой, которая, как и человек, способна делать выбор, то какой бы стали? Книгой с полки, как за вашей спиной, – Андрей Михайлович кивнул

на стеллаж с разношерстной литературой в шесть рядов, – или той, которая знала десятки читателей и не боялась быть порванной, которая приносила пользу и, возможно, поплатилась за это своим состоянием?

– А разве род моей деятельности не дает вам ответ? – поинтересовался Сергей.

– То, что вы выбрали профессию психолога, не говорит о том, что вы делаете это с такой же отдачей, как сборник стихов Бродского, гуляя по рукам. Хочу быть с вами честным. – Гость сделал паузу. – Вы слишком лощено выглядите: хорошо выглаженная рубашка, брюки, ровный пробор на голове, идеальная окантовка бороды, – все это говорит о вашем перфекционизме. В вас нет импровизации, свободы. Вы знаете, как жить правильно, но не знаете, как жить играючи. Я осмелюсь предположить, что если вы танцуете, то заученный танец, и совсем не отдаетесь музыке.

– Вы всегда выбираете метафорический способ изложения мыслей? – поинтересовался Сергей.

– А вы всегда избегаете прямых ответов и переводите внимание с себя?

– Хорошо, если я отвечу, какой книгой стал бы, вы продолжите историю про Бродского?

– Конечно, я как раз для этого сюда и пришел, – усмехнулся Андрей Михайлович. – И, чтобы начать, я должен понять, тому ли человеку собираюсь открыться.

Сергей спустил правую ногу на пол и крепко уперся на

обе пятки. Он немного подался вперед, прихватив планшет с чистым листом с подлокотника кожаного кресла.

– Вы хотите знать, какой книгой я бы стал, если бы у меня был выбор? – Сергей откашлялся. – Растрепанной. Если жить, то жить на полную катушку, таков мой девиз. Нет ничего тоскливей, чем делать что-то наполовину. Это не мой стиль. Моя философия – отдаваться без остатка. Погружаться в дело с головой.

– Поэтому у вас столько сертификатов и дипломов на стене?

Действительно, рядом с дверью висело множество разноцветных документов под стеклом. На них пестрели печати и голограммы. Подписи профессоров и докторов наук.

– Я не слышал о том, чтобы у Иисуса или Будды был хотя бы один сертификат, как у вас. И не читал о том, что они выглядели так опрятно, как вы. Они, скорей, походили на изгоев, вот они для меня “потрепанная книга”, а вы – книга с полки.

– К чему этот фарс? – Сергей откинулся на кресло. – Если вы сомневаетесь в моей компетенции и мои заслуги вам ни о чем не говорят, то зачем пришли сюда и ведете со мной этот диалог? Почему не кончить сессию и не покинуть помещение в поисках потрепанного бродяги?

– Вы знаете, как общаются дельфины?

– К чему этот вопрос?

– Вы знаете, как дельфины узнают план местности в ради-

усе сотни метров, или нет? – настаивал Андрей Михайлович.

– Они делают это с помощью эхолокации, – небрежно ответил психолог.

Клиент не торопился продолжать беседу. Он поправил футболку, провел рукой по своей колючей щетине и посмотрел на часы на стене. До окончания встречи, которая, к слову сказать, стоила десять тысяч рублей, оставалось пятьдесят минут.

– Именно, Сергей, именно! Я же могу обращаться к тебе на ты?

Сергей развел руки в стороны, покачивая головой. Андрей Михайлович улыбнулся и продолжил:

– Как дельфины используют эхолокацию для пространственного ориентирования, так и я применяю этот метод для познания окружающих меня людей. Я задаю рамки и предлагаю поразмышлять на тему в определенном контексте. Я провоцирую и смотрю, как будут вести себя люди. Только нетипичные события выбивают из колеи, а выбитый из колеи человек испытывает...

– Стресс, – продолжил психолог.

– Бинго! – подмигнул посетитель. – Только в стрессе человек способен продемонстрировать свое истинное лицо. А меня не интересует картинка и маски, мне важно увидеть человека в своем первозданном облики, в своей натуральной форме.

– И к чему вы ведете? – задумчиво спросил Сергей.

– Это не мне решать! Это я у тебя на приеме, а не ты у меня, – играючи ответил посетитель.

– Бросьте уже, что это за игра? – Скулы у Сергея чуть сжались.

– Ты злишься? – подхватил Андрей Михайлович.

Из приоткрытого окна донеслись звуки проезжающих мимо автомобилей с тревожными sireнами скорой помощи.

– Злюсь, – признался Сергей.

Посетитель кивнул:

– Я рад, что ты понимаешь свои чувства и не боишься их называть. Все же не зря у тебя на стене висит столько документов. – Он снова улыбнулся.

Психолог поставил руки перед собой домиком. Андрей Михайлович в ответ попытался прижать чуть растрепанную шевелюру. Сделал он это не для того, чтобы выглядеть опрятней, а скорее машинально, как бы почесывая свою голову.

– Теперь, когда вы проверили меня на вшивость, вы готовы продолжить свою историю про Бродского?

– Бродский? Да. Бродский! – Андрей Михайлович радостно поерзал на кресле. – Как я говорил, все началось со стихов. Ты слышал когда-нибудь такие строчки: “В каждой музыке Бах, в каждом из нас Бог”?

– Ну а как же? Слышал! Баста написал целую песню на это стих. – Сергей торжествовал. Его подбородок потянулся к потолку, а плечи расправились. Посетитель заметил изме-

нения и улыбнулся. Улыбка была вовсе не радостной, скорее она походила на умилительную. Такой сорт улыбок обычно появляется на лицах родителей, ставших свидетелями первых успехов детей.

– Ну, Басту я не знаю, не тот возраст, но, прочитав эти строки в сборнике, я подумал: если в каждой музыке живет гений Баха, то, по логике произведения, в каждом человеке существует Бог? И если он внутри, то почему я его не слышу? Странно иметь что-то и не понимать, что это у меня есть, – заметил Андрей Михайлович.

– Могу я обращаться к вам по имени? – спросил психолог посетителя.

– Я предпочитаю, чтобы меня называли Андрей Михайлович.

– Хорошо, Андрей Михайлович. – Эффектно расправленные плечи психолога сжались, а домик из его ладошек опустился к животу. – Я полагаю, как и любая поэзия, стихи Бродского – это сплетение метафорических приемов, не более.

– А что, если я скажу, что ты ошибаешься? И я нашел Бога?

– Тогда мне станет понятней, почему вы так активно прощупывали меня. – Психолог отложил планшет на массивный подлокотник кресла, так ничего туда и не записав.

К Сергею приходили люди с разными странностями: одни воспринимали себя непобедимыми полководцами, дру-

гие слышали наставления Вселенной и были убеждены, что имеют с ней особую связь. Психолог внимательно посмотрел на Андрея Михайловича, пока тот изучал узоры под коричневыми мокасинами психолога. Посетитель ничего не говорил. Его глаза бегали с любопытством, точно он смотрел не на шерстяной ковер, а на экран летнего кинотеатра.

– И что было дальше? – поинтересовался Сергей.

Андрей Михайлович поднял голову, словно ожидал этого вопроса, и мягко посмотрел на собеседника.

– Это хороший вопрос, очень хороший вопрос! Дальше я стал искать Бога внутри себя. – Он снова почесал свою седую шевелюру. – И вы знаете, к чему я пришел?

– Признаться, никогда не увлекался игрой “угадайка”.

– А ты не так прост, как кажется на первый взгляд! – Андрей Михайлович поднял указательный палец. – В наблюдениях я пришел к тому, что разговоры в голове звучат как постоянный диалог. Так? Только диалог с кем?

Психолог прикрыл рукой рот и небрежно кивнул, приглашая посетителя продолжить.

– Для диалога нужны двое: тот, кто говорит, и тот, кто слушает. – Андрей Михайлович поглядел на Сергея. – И если я постоянно разговариваю внутри себя, то кто меня слушает?

– Бог?

– Именно, Бог!

– И что вам дало это открытие?

– Как что? – Андрей Михайлович удивился. – Я нашёл

Бога, а не абы что! Он всегда был со мной и общался с помощью тишины! Разве это не удивительно?

– Переозвучу вопрос. Что изменилось в вашей жизни после того, как вы нашли Бога?

– Вы хотите обесценить мое открытие? – с подозрением спросил посетитель.

– Андрей Михайлович, ваше умение не отвечать обезоруживает. Вы всегда задаете вопросы вместо того, чтобы просто ответить?

– А ты хочешь, чтобы я отдал тебе привилегию вести разговор?

– Так значит, за вашим нежеланием отвечать на открытые вопросы кроется страх потери контроля? Интересно. – Сергей взял свой планшет и что-то туда записал.

– Только не надо вот таких дешевых “крючков”. Не нужно говорить “интересно” и награждать меня долгой паузой с наигранной фиксацией своего открытия на листе.

– Вас это смущает? – озадачился психолог.

– Не то что смущает, меня это бесит! Таким образом ты создаешь ореол своей значимости, не более. – Посетитель задумался. – Я пришел сказать, что нашел Бога, и это не нужно никуда записывать

Мужчины молча смотрели друг на друга. Психолог нахмурил брови и пожал плечами:

– Вы хотите узнать, что я думаю на этот счет?

– Да, – коротко ответил Андрей Михайлович.

Сергей замешкался. Он поправил воротник на рубашке и отряхнул штаны, будто они были в пыли.

– Я думаю о том, что для вас все же Бог?

– Для меня? – Андрей Михайлович лукаво растянул тонкие губы. – Бог – это все, что существует вокруг нас. Бог – это весь наш мир, и мы живем внутри него, подобно рыбе в воде.

– После такого ответа у меня еще больше вопросов.

За окном поднялся ветер, где-то внизу листья звонко зашуршали, ударяясь друг о друга. Сергей обратил внимания на этот шум и кивнул в сторону окна с немой просьбой разрешить ему закрыть окно. По лицу Андрея Михайловича было понятно, что он не против.

– Бог и внутри меня, и снаружи, и даже больше – я сам и есть Бог.

Сергей легко встал с дутого кожаного кресла и, отмерив путь до окна тремя шагами, громко хлопнул им и повернул ручку. Уличные звуки прекратились в один миг.

– Вы меня снова как-то проверяете? – спросил Сергей. – Это еще один способ вашей провокации?

Психолог дошел до своего рабочего стола, которое располагалось прямо за пустым креслом. Он оперся на угол.

– И когда вы только перестанете играть со мной?

– Тебе разве не нравится эта игра? – Глаза гостя расширились. – Тебе же так скучно от клиентов с бытовыми проблемами. Они такие предсказуемые и пресные. Приходят сюда

и беспрерывно жалуется на свою никчемную жизнь, на дурацкие отношения да на отсутствие смыслов. Они садятся на это кресло, – он сильно ударил руками по подлокотникам, – и плачутся о том, чего у них никогда не было. – Его лицо напряглось от отвращения. – Люди не сильно-то отличаются от муравьев, и в этом заключается основная истина – нет никакой особенности ни в одном человеке. Пусть твое имя будет во всех учебниках по истории, ты все равно останешься простым человеком, таким же, как и все.

Сергей сдерживал себя, чтобы не взорваться. Он был согласен не со всеми высказываниями клиента, но, так как профессиональная этика не позволяла ему ярко выражать свою позицию, психолог терпел.

– Другая истина заключается в том, что от боли не убежишь, она будет, как бы ты ни старался, – это плохая новость. А хорошая – боль обязательно сменится радостью, нужно лишь немного потерпеть. – Андрей Михайлович почесал бороду. – Выходит, что радость – это всего-то отсутствие печали. И одно никак не может без другого.

Сергей нахмурился.

– К чему это?

– Да к тому: чтобы что-то понять, нужно найти этому противоположность. Так? И если рыба, находясь в воде, не способна осознать, что она окружена водой, пока ее из воды не вытащат, то как ты можешь понять, что мы внутри Бога? Откуда меня тогда должны вытащить? Из жизни?

– Андрей Михайлович, хочу признаться, вы интересно все рассказываете, только зачем? – уверенно произнес Сергей. – Зачем вам приходиться ко мне, платить деньги за то, чтобы я послушал идеи об истине? Ваши громкие заявления о своем божественном существовании?

Посетитель задумался и застучал пальцами по мягкому подлокотнику кресла. Удары были беззвучными, глухими, но активными. Чуть погодя подключились и ноги. Он одновременно дергал всеми конечностями, пока неожиданно не замер. Андрей Михайлович посмотрел на Сергея исподлобья и повел головой, так, будто у него продуло шею.

– Ты когда-нибудь бывал в летнем лагере “Салют”?

– При чем тут это?

– Ответь: да или нет?

– Это было давно, кажется мне было двенадцать! – с подозрением ответил Сергей. – Только подумать, прошло около двадцати шести лет, я уже и забыл, что бывал там.

– Медведица, – добавил мужчина. – Быстра речка, скажу, просто так не поплавать, особенно когда ты слабый подросток

Сергей задумался, вспоминая свое детство: как он играл в футбол в лагере с приятелями, как ходил в лес за дровами для пионерского костра и как впервые танцевал на дискотеке с девочками. Тогда ему приглянулась девочка по имени Катя, его первая любовь.

– Истиной можно назвать и тот факт, что ребенок сильно

зависит от взрослых. – Гость растекся по скользкому креслу по креслу, почувствовав превосходство над Сергеем. – Вот почему каждому человеку стоит как можно скорей повзрослеть и сепарироваться от них, а с другой стороны, нас так воспитывали, что мы просто заточены под необходимость быть зависимыми от чужих приказов и безукоризненно подчиняться им. Стоит услышать речь в приказной форме, как тут же отключается любое стремление к свободе. Будто приказ – это пульт управления человеком. – Он усмехнулся от своего сравнения. – И это не мудрено: нам так тщательно прочистили мозги с первого класса, что в зрелом возрасте приходится проделывать солидные усилия, чтобы очиститься от вшитых обществом программ. Но вот это уже не истина, это вера. Понимаете?

– Андрей Михайлович, для чего мне это нужно знать? Зачем мне ваши идеи о вере и истине? Просто объясните, для чего, в конце концов, я тут стою и слушаю ваши поучительные дифирамбы?

– А разве не за этим приходят к тебе на прием? Разве люди платят тебе, прошу заметить, немаленькие деньги не для того, чтобы ты их просто слушал с умным лицом, делая пометки у себя на листке? – Он кивнул на планшет.

– Мои клиенты приходят, чтобы с чем-то справиться, – заметил Сергей. – Решить для себя важные вопросы, разорвать, скажем, негативные паттерны поведения. – Он попытался не моргать. – Вот вы с чем хотите справиться? Что хо-

тите решить?

– Ты меня, вообще, слушаешь? – надавил Андрей Михайлович. – Я же тебе говорю – я обнаружил внутри себя Бога. БОГА! – На его лбу выступила глубокая морщина поперек бровей. – Вот тебе, кроме того раза в летнем лагере, приходилось общаться с Ним или, не дай бог, играть Его роль?

– Простите?

– Разве ты забыл, как возомнил себя всемогущим Господом и решил, что все ребята из отряда должны плясать под твою дудку? – Голос Андрея Михайловича стал твердым. – Ты не помнишь, к чему привело твое желание посмеяться над ними?

– Я вас не понимаю.

– Ты не против, если я поведаю историю об одном мальчике, который решил, что он особенный? Что он в праве злостно шутить над своими приятелями?

Психолог повел головой. Его немного качнуло, словно он был не у себя в кабинете, а в вагоне поезда. Тучи плавно закрыли солнце, и в комнате стало сумеречно. Разноцветные кресла и ковер утратили яркость. На лице Сергея зависла тревога, а Андрей Михайлович сильнее прежнего растянулся в улыбке. Сложив руки вместе, он как-то загадочно заскучал в ожидании реакции психолога.

– Вы правильно заметили, что это ваша сессия, и если вам будет легче оттого, что вы расскажете историю про одного мальчика, – Сергей протянул последнее слово, – то с удо-

вольствием ее послушаю.

– История увлекательная, но сперва ответь мне, ты веришь в Бога?

Сергей почувствовал раздражение. Андрей Михайлович играл с ним, как котик с бумажной бабочкой на нитке. Психолог все больше и больше терял контроль над происходящим. Разговор напоминал игру в “дурака”, где у клиента на руках были исключительно козырные карты, и он подкидывал их друг за другом, упиваясь своим положением.

– Идея Бога была изобретена для того, чтобы управлять людьми.

– Надо же, какая банальщина, – усмехнулся Андрей Михайлович. – Ну да ладно, и на каких основаниях ты пришел к такому выводу?

Психологу не понравился выпад посетителя, но, чтобы не обнажать свою уязвимость, он вновь постарался этого не показывать. Выпрямившись, он твёрдо встал на ноги и скрестил руки у груди.

– Я человек науки и предпочитаю иметь дело с очевидными данными, а любые доводы, не имеющие своего выражения в объективной реальности, для меня автоматически превращаются в манипуляцию с единственным желанием – обретение власти.

– Что ты имеешь в виду?

– Знаете, почему директора больших компаний делают солидную прослойку между собой и линейным персоналом?

Андрей Михайлович махнул рукой, пригласив Сергея продолжить.

– Если у директора с подчиненным будет непрерывный и прямой контакт, то пропадет любая магия управления, – сказал психолог. – Человек боится неизвестности. Все, что ему понятно, совсем не пугает. Свободное пространство для фантазий вызывает страх. Если сотрудник практически моментально видит обратную связь на свои действия, то отпадает необходимость что-то дорисовывать или предполагать. Страх отступает. Без неизвестности нет и страха, а если нет страха, то нет и мотивации.

– И как это связано с верой в Бога?

– А так, что Бог – это директор директоров! К нему вообще нет никакого доступа. Фантазия включается на максимум и подкидывает такие страшные картины, что обделаться можно, – твердо сказал Сергей. – Сам человек лучше других знает, что его пугает.

Андрей Михайлович не шевелился, держась за подлокотники своего кресла.

– Скажем, боится человек червяков. В аду будут именно они. Пугают черти? Без чертей там не обойдется. Главное, не говорить, что конкретно ждет человека в аду. Грешник сам все завернет в нужную ему упаковку. Такая особенность психики становится очень привлекательной для того, кто хочет управлять людьми. Будешь делать, как мы тебе говорим, – попадешь в рай, а если ослушаешься – в ад. В раю классно,

в аду – жутко. Вот ты и выбирай, что делать и где тебе потом быть.

– Получается, что Бог нужен, чтобы Им пугать взрослых людей, как детей бабайкой?

– Получается, так.

– Что-то не вяжется. – Андрей Михайлович вытянул и скрестил ноги. – Если Им только пугают, то кто тогда создал этот мир? – Он осмотрелся по сторонам.

– Если Он создал этот мир, то как, по-вашему, Бог оказался внутри вас?

– Ты, вообще, хорошо помнишь строчки Бродского, которые я тебе читал?

Сергей ничего не ответил.

– Ну что ты за психолог, если так плохо меня слушаешь? – Мужчина покачал головой. – В каждом человеке – Бог! Вот с чего я начал. Получается, Он не только во мне, Он в каждом человеке. И если Бог внутри каждого, то Он придуман не для контроля, как ты утверждаешь. Это мы были рождены, чтобы найти его внутри. – Андрей Михайлович ударил по лбу Микки Мауса у себя на груди.

Сергей немного потоптался у стола и неспеша вернулся на свое кресло, взял планшет и открыл ручку. Склонившись над белым листом, он молча изучал свой корявый почерк. Почерк был настолько несуразный, что даже сам Сергей с трудом понимал, что написал несколько минут назад.

– А тот мальчик из моей истории, знаете, почему решил

найти Бога?

Психолог поднял голову. Кончики его пальцев заныли, так, будто он недавно огрел себя молотком, и острая фаза боли постепенно отступала.

– Мальчик не искал Бога вовсе, он решил стать им, – не дожидаясь ответа, сказал Андрей Михайлович. – Он так филигранно отточил искусство манипуляции, что сколотил вокруг себя настоящую банду, и когда утвердился в своей власти, тут же стал вытворять страшные вещи.

Сергей посмотрел на свои ногти. У него появилось сильное желание отгрызть кусочек. Он хотел расправиться со всеми ногтями на своих руках. Несмотря на то, что его маникюр был в порядке. Он с одержимостью изучал ногти, представляя, как грызет их и выплевывает на красный ковер под своими ногами.

– Ребята из отряда больше не сопротивлялись его указам. Они беспрекословно выполняли любые прихоти. – Андрей Михайлович посмотрел на сертификаты у двери. – Ты же, как успешный психолог, знаешь, как это работает – сформированный в начале отношений фундамент дальше работает сам собой. Слабая и сильная позиции создаются в первые несколько секунд знакомства. Кто успел занять позицию сверху, дальше смотрит на остальных как на насекомых. Не всегда власть дается за лидерские качества, чаще ее занимают благодаря комплексу неполноценности. Так случилось и с героем моей истории. – Он задумался. – Его родители раз-

велись и проживали сложное для себя время. Им было так плохо, что мальчику не доставалось и йоты заботы и любви. Он понял: чтобы получить хоть немного внимания, нужно вести себя вызывающе. Формула была несложной: чем хуже он себя вел, тем больше получал внимания. В лагере парень стал хулиганом, и другие ребята не смели с ним спорить. Они боялись говорить ему что-либо поперек, потому что мальчик мог натравить на своих обидчиков целую свору приспешников. Можно ли его считать богом в глазах детей?

– Я знаю, что вы хотите мне сказать. – Сергей через силу оторвал взгляд от своих рук. – Но откуда вы...

– Конечно, его можно считать богом! Бог – это то, перед чем преклоняются. Я вот преклоняюсь перед тишиной внутри себя.

– Это было очень давно! – взъерошено бросил психолог.

Андрей Михайлович будто не слышал реплики. Задумчиво покачал головой, соглашаясь с самим собой. Откашлялся в кулак и продолжил:

– Парень, будь он неладен, таки почувствовал, что дети покорно преклоняются перед ним, – неторопливо протянул он. – Не любите вы играть в “угадайку”, но я все же спрошу: знаете, что он сделал, когда почувствовал свое превосходство?

– Он стал издеваться над детьми!

– Бинго! – Андрей Михайлович ударил ладонью о ладонь. – А говоришь, что не любишь эту игру. Не любишь и

тут же попадаешь точно в цель, – съерничал он.

Сергей и раньше чувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Как он теряет точку опоры и плывет, подобно листку в быстром ручье непредвиденных событий. Он много работал над собой, чтобы исключить подобные ощущения из своей жизни. Сергей не любил терять контроль над ситуацией и становиться заложником своих эмоций. В такие моменты он чувствовал себя ребенком, не способным взять ответственность за свою жизнь.

– Почему вы решили рассказать мне эту историю? – поинтересовался Сергей.

– А ты разве не понимаешь почему? – удивился клиент. – Разве тебе эта история ничего не напоминает?

– Напоминает.

– А вот за это тебе плюс. – Мужчина улыбнулся. – Мне нравится, что ты не пытаешься оправдаться или сменить тему. Значит, действительно проделал много работы над собой. Но, как говорится, гештальты нужны для того, чтобы их закрывать. Ведь закрытый гештальт – это сексуально.

Разговор так глубоко засасывал Сергея, что он уже практически не видел мужчину напротив. Память возвратила его в прошлое. Запах столовой, футбольное поле и лица друзей. Андрей Михайлович запустил в нем что-то детское, и психолог будто вернулся в то незрелое состояние.

– Прежде чем я тебе расскажу, кто я такой и зачем пришел сюда на самом деле, давай-ка я поведаю, при чем тут все же

Бог. Тот самый Бог, который живет в каждом из нас.

– Как скажете, – согласился Сергей, вспомнив, что решение происходит чему-то является отголоском сильной позиции. Он держался из последних сил за возможность быть главным в своем собственном кабинете и боялся упустить хотя бы эту возможность сохранить свое лицо.

– Бог – это не только тишина внутри. Бог повсюду, и на все Его воля, – сказал Андрей Михайлович. – Ты только прислушайся. Слышишь? – Он сделал долгую паузу. – Ничего. Тишина. В этом и заключен Бог. Он слушает нас и молчит. – Мужчина собрал ладони в замок. – Вот многие думают, что Бог – это свет, а я считаю, что Бог – это тьма. В космосе все состоит из темной материи и тишины. А света сколько? Так, точки! Бог больше точек и звуков. Он больше всего на свете, и Он скрывается в том, чего больше всего. Темнота и тишина – вот что такое Бог. И не только Бах звучит в каждой композиции, но и Бог, потому что Бах – это звуки, а Бог – тишина между ними.

– И все же, почему вы так носитесь с этим Богом? Этой тишиной. Тьфу, невыносимо, – не выдержал Сергей, – еще дразните меня историей про мальчика из лагеря, и все не договариваете. – Он сжал скулы. – Хотите знать, бывал ли я в “Салюте”? Бывал! Задирал ли сверстников? Было дело! Только при чем тут эта чертова тишина и Бог? – Перед глазами Сергея запрыгали черные точки и опустилась темная пелена. Он уже не мог сдерживать себя. Внутренний огонь

обжигал его и захватывал, не давая возможности быть последовательным.

– Ну наконец-то... – На лице Андрея Михайловича, подобно тягучей смоле, растянулась улыбка... – Наконец-то я вытащил тебя наружу. А то мне уже казалось, что ты и впрямь изменился, стал солидным человеком с кучей грамот. Но нет, людская суть не меняется. Ты все тот же подросток: заносчивый, самовлюбленный эгоист. Маски недолго держатся на кривых лицах эмоционального уродства. Я всегда верил в то, что стоит слегка подковырнуть затычку, и из бочки польется то, чем она наполнена. И мне не нужно иметь химическую лабораторию у себя под рукой, чтобы сказать, чем наполнен ты.

– Вы пришли сюда унижать меня?

– Я пришел сюда закрыть свой гештальт, – перебил Андрей Михайлович. – Это ты его начал в лагере “Салют”, и теперь я пришел сюда сыграть с тобой в игру! Чтобы расставить над все точки на “і”.

– Какую еще, к черту, игру?

– Ты знаешь про “русскую рулетку”?

– Вы, вообще, в своем уме? – Сергей вжался в кресло.

Андрей Михайлович спокойно изучал психолога, словно тигр, загнавший жертву в угол.

– Мы не будем стреляться. Мы с тобой просто решим, кто из нас более здоров. Ты или я.

– В каком это смысле здоров?

– В психологическом, – улыбнулся Андрей Михайлович. – Какие симптомы психологического здоровья ты знаешь? Так, для общего развития. А то я человек с улицы и не особо разбираюсь в критериях. А ты другое дело, заслуженный психолог.

– Кто вы такой?

– Скажем так, я тоже был в лагере “Салют” вместе с тобой, в одном отряде.

– Что-то я вас не припоминаю.

– Зато я тебя очень хорошо помню.

Андрей Михайлович посмотрел на электронные часы на стене: до конца сессии оставалось меньше пяти минут. Сергей тоже обратил внимание на время и откашлялся несколько раз, прогоняя свои переживания.

Мужчины медленно обернулись друг к другу. Между ними возникла зрительная дуэль. Что психолог, что его посетитель не желали отводить взгляда и тем более что-либо говорить. Они боролись глазами, без слов. Нарушение молчания приравнилось к позорному проигрышу. Никто не желал проигрывать. Андрей Михайлович изредка моргал, а Сергей не позволял себе даже этого. Его глаза стали сухими.

– Сергей Алексеевич... – В комнату вошла миловидная девушка в летнем сарафане. Звонкий голос немного сбавил напряжение между мужчинами, но ни один из них никак на нее не отреагировал. – Сергей Алексеевич, – повторила девушка, – у вас посетитель.

Девушка поправила свои белые кудрявые волосы и замялась, переступая с ноги на ногу.

Андрей Михайлович оставил взгляд Сергея и повернулся к секретарше. Девушка оказалась совсем молоденькой. Когда он шел на прием, то, к своему сожалению, не заметил ее. А сейчас она стояла на черных длинных шпильках и вызывала в нем приятные чувства восхищения и юношеской бойкости.

Андрей Михайлович улыбнулся секретарше, и та, неуверенно улыбнулась ему в ответ. Только Сергей продолжал смотреть на гостя, от злобы играя челюстями.

– Посетитель подождет, милочка, – сказал Андрей Михайлович.

Девушка растерялась и закрутила головой, смотря то на Андрея Михайловича, то на своего руководителя.

– Но... Сергей Алексеевич... – протянула секретарша, пятясь назад, – у нас же клиент. – Она запнулась. – Там! – Она указала в сторону коридора.

– Ничего страшного, Сергею Алексеевичу нужно еще немного поговорить со мной, – сказал Андрей Михайлович, – у меня очень тяжелый случай. Правильно? – Он повернулся к Сергею.

– Правильно... – безучастно ответил тот.

– Вы можете нас оставить. – Андрей Михайлович кивнул на дверь.

– Но... – девушка снова указала на коридор с ожидающи-

ми Сергея клиентами.

– Не беспокойтесь о клиенте. Просто скажите, что тут человек с Богом разговаривает. – Андрей Михайлович pokrутил пальцем у виска. – Клинический случай, – прошептал он, держа обратную сторону ладони у рта.

Сергей не понимал и половины того, что происходило в его кабинете. Психолог словно вернулся в прошлое и вспомнил картину из своего детства.

—Ты от нас так просто не отделаешься, – сказал светловолосый подросток. – Пока не съешь жука, мы не отстанем.

В тускло освещенном корпусе парень, прижатый в угол около собственной кровати, стоял в окружении пяти хулиганов. На их лицах блестели ехидные улыбки. Андрей смотрел по сторонам, пытаясь найти спасение.

– Когда хорошенько прожусь этого красавчика, тогда и отпустим тебя баиньки. – добавил светловолосый и кивнул на майского жука в руках Сергея.

За окном скрипели сверчки и громко шелестели листья на деревьях...

– Да что ты мнешься, жук очень полезный. Деликатес, – вырвался высокий голос откуда-то из темноты и тут же хихикнул.

– Тебе нужно просто взять его в рот и прожевать, – заметил Сергей и поднес жука еще ближе ко рту Андрея. –

Делов-то!

– А если не съешь сам, то мы его тебе просто запихнем и заставим сглотнуть, – засмеялся самый пухлый подросток.

Андрей зажмурил глаза и послушно разомкнул губы. Сергей положил майского жука зеленого цвета с фиолетовым переливом ему в рот, аккуратно, будто это шоколадная конфета. От вида живого насекомого во рту Андрея трое парней зажмурились, а один отвернулся. Только Сергей не отводил глаз.

– А теперь жуи, – приказным тоном сказал он.

Парень сомкнул губы и закрыл глаза. Жук исчез во рту Андрея. По его лицу было видно, что ему противно и страшно.

– Жуи, – повторил Сергей.

Андрей подоткнул жука языком на нижний ряд зубов и надавил на него верхним. Как бы примеряясь к укусу. Он представил, что будет, когда надавить на жука? Какой вкус почувствует? Его не ждало ничего хорошее, но он повиновался.

– Ты будешь его жевать сегодня или нет?

Хруст раздался на весь корпус. Все ребята съезжились. К мальчику с высоким голосом подступил рвотный рефлекс, он прикрыл рот рукой и убежал к выходу. Андрей жевал жука, стараясь не думать о том, что сейчас чувствует. Он словно отделился от своих переживаний. Вкус во рту жил

отдельно от тела; казалось, что это не Андрей жует жука – кто-то внутри делает это, Андрей лишь наблюдает, как это происходит. Ребята видели то же самое, что и этот “кто-то” внутри Андрея, только Андрей был на сцене событий, а ребята – зрителями на последних рядах.

Девушка не торопилась покидать кабинет, она ждала одобрительного кивка от своего директора. Но он неподвижно изучал ухо Андрея Михайловича и не обращал на нее и малейшего внимания.

– Сергей Алексеевич, – протяжно повторила она. – Клиент...

– Милочка, как вы не поймете? Кому-то нужно больше времени, кому-то – меньше. Я вот тот клиент, кому нужно немного больше положенного времени, – улыбнулся Андрей Михайлович. – Ступайте и скажите посетителю, что сессии у него сегодня не будет.

Секретарша замялась в дверном проеме. Она с трудом понимала, как ей действовать дальше: Сергей Алексеевич молчал и не давал никаких указаний, а самостоятельность он не поощрял. Она боялась получить выговор, поэтому не торопилась покидать помещение.

– Извините, но я не могу просто так уйти без соответствующего указания Сергея Алексеевича.

– Сергей, – Андрей Михайлович повернулся к психологу, – отпустим девушку? Нам же есть о чем поговорить, пра-

вильно? – уверенно сказал он.

– Да-да, – пробуждаясь от воспоминаний, произнес Сергей, – ступай и принеси мои извинения Семену Игоревичу. – Он кашлянул. – Скажи, что тут особый случай, который требует особенного подхода и большего времени, чем я планировал.

Секретарша сделала неуверенный шаг назад, прикрывая за собою дверь.

– И принесите нам чая, – кинул вслед Андрей Михайлович. – Я пью исключительно зеленый, – добавил он. – А какой чай будешь ты? – посетитель обратился к психологу.

– Сергей Алексеевич пьет кофе, – заметила девушка

– О, милочка, я же обращаюсь не к вам. Не хорошо влезать в чужие разговоры. Разве вас этому не учили в школе?

На лице секретарши выступил румянец.

– Я тоже буду зеленый чай, – сказал Сергей.

Девушка кивнула и быстро выбежала из кабинета, чуть хлопнув дверью.

– Совесть рано или поздно становится врагом, – заметил Андрей Михайлович. – Совесть предает своего хозяина и переходит на сторону потерпевшего. Все, что принадлежало тебе и было частью тебя, становится твоим палачом. Вот почему Иисус говорил: если тебя ударили по одной щеке, подставь другую, так ты точно не натравишь на себя свою свободную совесть. Свою тишину. Своего Бога.

Было заметно, как Сергея трясло. Казалось, что Андрей

Михайлович выпил из него все соки. Психолог вжался в кресло и утопил голову в плечи. От напряжения его тело стало меньше. Каждый мускул Сергея ненавидел Андрея Михайловича, поэтому мышцы были напряжены так сильно, что превратились в камень. Казалось, что Сергей превратился в мраморную статую.

– Ты полагаешь, что это я делаю с тобой ужасные вещи, и будешь считать меня ужасным человеком? – Андрей Михайлович улыбнулся. – Но ты сам это делаешь с собой. Твои внутренние демоны кусают твою плоть изнутри, вырывают куски и заставляют кипеть твою кровь. Демоны издеваются над тобой, и ты, смотря на меня, видишь не меня вовсе, ты видишь своих демонов. – Он сделал паузу. – У тебя уже совсем закончились силы сопротивляться мне? Ты уже не тот Сергей Алексеевич, который меня встретил в начале сессии. Вся твоя напыщенность улетучилась. Ты превратился в испуганного мальчишку. Видимо, ты вспомнил меня. Ты вспомнил, что ты сделал со мной, и испугался, что тебя заругают.

– Да, я тебя вспомнил, – выдавил Сергей. – И мне очень жаль, что я так поступил с тобой. – Он выдохнул, и его голова повисла на груди.

– О-о-о, твои обучения и вправду пошли тебе на пользу. Ты научился говорить то, что нужно говорить. Но чувствуешь ли ты то, о чем говоришь? – Андрей Михайлович поправил футболку.

В дверь постучались. Не дождавшись приглашения, Катя тихо зашла в кабинет с металлическим подносом в руках. На нем стояли две белые чашки с зеленым чаем и блюдце с печеньем “Юбилейное”. Она молча подошла к журнальному столику между мужчинами и, поставив поднос, торопливо покинула помещение.

– Что ты от меня хочешь? Ты пришел проучить меня? Так давай, сделай это и уходи из моего кабинета! – взорвался Сергей. – Зачем все эти поучительные высказывания? Просто сделай, что собирался, и давай уже разойдемся по своим углам.

– О, ты перешел на ты. Наконец-то ты отбросил все эти нормы социально одобряемого поведения. – Острые уголки губ Андрея Михайловича приподнялись вверх.

Посетитель протянул руку к своей чашке чая и, не торопясь, поднес ее к губам. Чай был крепким и горячим. Секретарша хорошо постаралась, заваривая его.

– Ты же знаешь, что пытка приносит куда больше страданий, чем быстрая смерть? Зачем мне торопить события, если ты уже в моей власти? Зачем упускать возможность поиграться с тобой, если ты больше не способен сказать мне и слова поперек. – Он громко отхлебнул чай. – Смотря на твои сертификаты, я полагал, что ты окажешься более крепким парнем, а ты сдулся уже через час разговора. И как после этого мне не считать себя уравновешенней, чем ты? – Гость поставил чашку обратно на стол и взял печенье, любо-

пытно рассматривая причудливые линии на нем. – Как мне отказаться от соблазнительной мысли, что моя связь с Богом помогает мне жить более спокойную жизнь, чем живешь ты? Ты много работал, чтобы проводить подобные встречи. Ты учился, заслуживал хорошие оценки от своих наставников, а я просто нашел Бога внутри себя и держусь за него. Между нами пропасть. Ты стараешься соответствовать своей роли психолога, а я просто слушаю тишину внутри себя. Я не повторяю то, что выучил в книгах. Я говорю только о том, что ощущаю сам. В этом наша разница. В твоей голове живут мертвые ученые, в моей голове пульсирует жизнь.

– Если ты хочешь, чтобы я тоже съел жука, так и скажи, я его съем, только перестань со мной разговаривать как с мальчишкой.

– Так ты и есть испуганный мальчишка. – Андрей Михайлович посмотрел на Сергея. – Ты не можешь и дня прожить без всей той атрибутики, которой обложился. Ты как подросток, полагающий, что курение делает его взрослей. Нет, Сережа, не делает. И твои бумажки под стеклом не делают тебя психологом, и тем более человеком.

– А ты сам человек? – вступил Сергей. – Посмотри на себя... Если ты такой одухотворенный и живешь в согласии с Богом, твой Бог не против твоих поступков? Это ты называешь человечностью?

– Лекарство бывает мерзким на вкус, но его нужно выпить.

– Если ты хочешь, чтобы я выпил лекарство, то давай его сюда. Что мне нужно сделать, чтобы ты ушел? Попросить у тебя прощение?

– Прощение – это просто слова. Я не хочу, чтобы ты проносил пустые слова, я хочу, чтобы ты почувствовал раскаяние. Я буду рад, если ты поймешь, каково было мне, когда я с хрустом пережевывал бедное насекомое. Сколько злости я испытал тогда и сколько злости я испытал потом.

– Так прости меня. – от напряжения Сергей встал с кресла обойдя его сзади, как бы прикрывался. – Это же была лишь детская шалость. Я хотел почувствовать себя важным, мне было страшно, что меня не примут в лагере, поэтому я схватился изо всех сил за возможность чувствовать себя таким. Все это было сделано от слабости, а не от силы. Я думал, что если поставлю на колени всех вокруг, то стану самым высоким. Мне просто было очень нужно самоутвердиться.

– И снова тебе плюс. – Андрей Михайлович ткнул на Сергея указательным пальцем и подмигнул. – Говорить ты научился, но я тебе не верю.

– Хорошо, я признаю свое поражение в твоей игре под названием «русская рулетка». Ты победил, – хмуро сказал Сергей, – у меня больше нет сил для этого театра. Это зашло слишком далеко.

– Это только начало, дорогой мой. – Андрей Михайлович потер руками. – Я долго готовился к своему триумфу. В своих фантазиях я смаковал результат этой встречи, и она идет

так, как я планировал.

– То есть ты планировал прийти сюда, рассказать свою ерунду про Бога и научить меня, как надо жить? Ты серьезно? Это твой план? Зачем? Ты хочешь задавить меня авторитетом?

Андрей Михайлович не торопился с ответом. Он окунул печенье в горячий чай, и когда оно распухло, положил его в рот, едва не уронив мягкую половинку. Не прожевывая печенье, проглотил его одним махом и улыбнулся Сергею, качая головой то вперед, то назад.

– Я не большой любитель социальных сетей, – начал Андрей Михайлович, – а вот моя дочка просто обожает “ВКонтакте” – Он внимательно посмотрел на Сергея. – У тебя же нет детей?

Мужчина отрицательно покачал головой.

– У меня двое. – Он отпил немного чая. – Две светловолосые девчонки. Все в меня, будто моя жена не женщина, а ксерокс. – Андрей Михайлович поставил чашку на столик. – Старшая дочь как-то сказала: “Папа, тебе обязательно нужна страничка ВКонтакте”, – высоким голосом изобразил он, – и тут же зарегистрировала меня в нем, там-то я и наткнулся на тебя. Я уже и забыл, что ты существуешь, а тут аккаунт с твоими фотографиями и сопроводительным текстом, да таким, точно ты не хулиган, а профессор психологии. Ох, знал бы ты, как я тогда разозлился. Забытые чувства вновь напомнили о себе. Пацан, накормивший меня жуком, – вы-

сокооплачиваемый психолог! Смех!

Сергей молчал. Выжатый, как лимон, он попытался вспомнить, когда еще так уставал. Может, только в начале своей карьеры? Когда, помимо работы с клиентом, он вдобавок боролся со своим внутренним страхом, что у него ничего не получится? Что он бездарь и вообще не способен помочь людям? Только каким было его удивление, что быть психологом не так сложно, для этого нужно лишь внимательно слушать и вовремя задать правильные вопросы.

– Мне так захотелось увидеть тебя. Прийти и показать, что разбираюсь в жизни не меньше твоего и для этого мне не нужны бумажки с важными подписями за стеклом.

– Значит, это дуэль? – задумчиво произнес Сергей. – Какая-то часть тебя ассоциируется со мной, и эту часть ты не можешь принять в себе, вот ты и злишься. – Было заметно, как психолог поменялся в лице.

– Нет во мне никаких частей тебя, – рявкнул Андрей Михайлович, – есть я и Бог, и этот Бог в одно мгновение находится во всех людях на Земле. Одно и то же существо изучает само себя с помощью миллиарда глаз.

Сергей, не делая резких движений, отвернулся от Андрея Михайловича и подошел к окну. Изучая автобусную остановку, проезжающие мимо машины и прохожих, он впервые задумался о том, что было бы, если бы он никогда не существовал? Изменился бы как-то мир? Ходили бы эти люди по тротуару, управляли бы они автомобилями? И если ответом

на этот вопрос была тишина, то каким бы стал ответ на вопрос куда проще первого – что будет с миром после его смерти?

– Ничего, – сказал Андрей Михайлович.

– Что ты сказал? – не поворачиваясь к посетителю, поинтересовался Сергей.

– Ничего не существует. Весь этот мир – иллюзия. Выдумка ума. Ум собрал движение энергии в материю. Хотя материи нет. Вообще ничего нет, кроме пустоты и тишины. Вот поэтому я убежден, что Бог и есть тишина и пустота. Бог – это ничего.

– Хорошо, пусть это будет правдой. Пусть Бог – это тишина внутри каждого из нас, и что с этого? Что меняется от этого? Как этот факт способен повлиять на меня? – наблюдая, как из такси вышла деловая девушка с огромной папкой для бумаг, спросил Сергей. – Ничего же не изменится. Мне так же придется делать то, что я делал все время, а потом я умру. Меня не станет, знаю я о Боге внутри себя или не знаю этого.

– А что тогда вообще важно? – переспросил Андрей Михайлович. – Моя внутренняя тишина важна мне, не тебе, а все, что важно мне, влияет на мое состояние, – сказал он. – Если я чувствую себя хорошо, то весь мир становится для меня дружелюбным. Так?

Сергей слышал, что говорит гость, только не хотел реагировать на его слова. Он продолжал смотреть в окно. Видел,

как некоторые проходили проезжую часть быстрым шагом, а другие шли не спеша. Кто-то носил яркую одежду, а другие предпочитали неброские цвета. Люди были разные и по-разному выражали себя, только это не имело никакого значения. С седьмого этажа офисного здания все они выглядели как муравьи. Они напоминали бездушную биомассу.

– Все, что я несу в мир, то мир мне и возвращает. Каждый сам создает себе Бога и поклоняется ему не для того, чтобы Бог простил, а для того, чтобы я простил себя сам. Бог – это символ моих внутренних процессов. Не больше, не меньше.

Слова Андрея Михайловича вырвали Сергея из его собственных размышлений.

– Так же, как человек сам создает себе Бога, получается, он создает себе и дьявола. – Психолог повернулся к Андрею Михайловичу и твердо посмотрел в его темные глаза. – И ты справился с двумя задачами разом. Если тишина – это Бог внутри тебя, то и дьявол находится там же. Он тоже сидит внутри тебя, только почему этот дьявол внутри тебя имеет мое лицо? Из-за дурацкого эпизода из детства?

Андрею Михайловичу пришлось по вкусу слова Сергея. Он несколько раз одобрительно покивал головой. Поднес руку к подбородку и задумался, переваривая сказанное.

– Сколько еще может продолжаться этот разговор? – Сергей подошел к журнальному столику между пухлых кресел и взял свою чашку. Чай уже остыл. – У тебя такая низкая самооценка, что ты решил прийти поговорить со мной о жиз-

ни, чтобы хоть как-то самоутвердиться? Ты меня загнипнотизировал своим Богом и тишиной. Какая же это чушь. Совершенно бесполезная идея. Как и сотни других идей. Жизнь – это простое существование, и в этом нет ничего особенного. Магического. Никто тут не познает себя миллиардами глаз. Никто не создавал нас для каких-то опытов и исследований. Все куда прозаичней – мы появились совершенно случайно и живем в ручье случайных событий. Если Бог и есть, то он очень азартный, и он играет в кости. В его делах нет никакого замысла. – Сергей чувствовал себя уверенно, твердо стоя на ногах. А что касается мыслей – так это следствие нашего общения друг с другом. Язык, с помощью которого мы обмениваемся информацией, в какой-то момент вышел из-под контроля, и инструмент для общения с себе подобными стал бесконтрольно разговаривать с мнимым оппонентом в голове. – Он ткнул себе в лоб. – Со временем появилась необходимость подумать, прежде чем что-то сказать. Нужно было проиграть этот диалог внутри с воображаемым человеком. Воображаемым человеком, а не Богом. Поэтому в твоей тишине нет ничего *особенного!* Мы рождаемся и умираем – вот единственная правда, которую я знаю. Все остальное – грезы взрослых детей... Детей, которые в упор не видят реальность и надевают на нее разные одежды в виде сотни концепций, не принимая ее обнаженной, такой, какая она есть. Потому что в ней нет ничего особенного. – Сергей почти не останавливался, его речь была плотной и не имела пауз. – Простота –

самое сложное, что может быть. И за пеленой сложных идей ее совсем не видно. Ведь так страшно понять, что в жизни нет никакого смысла и все смыслы человек придумывает себе сам, а если кто-то не может придумать, ему помогут. Выдумщиков много.

Выслушав Сергея, Андрей Михайлович встал с кресла и медленно захлопал в ладошки.

– Не плохо для хулигана. Совсем не плохо! – гость замолк.

Мужчины молчали, находясь в поисках слабостей друг друга. Внезапная ухмылка или подергивание глазом, даже резкое движение руками могло послужить приглашением напасть на своего оппонента. Они стояли, как павлины, распустившие хвосты. Сергей больше не желал отступать и стелиться перед напыщенным клиентом, и Андрей Михайлович, кажется, это чувствовал. Посетитель впервые увидел в психологе достойного соперника. Он смочил губы. Сергей поднес чашку с холодным чаем и отпил немного, не отводя глаз от Андрея Михайловича.

– Вот почему с незнакомцами не стоит говорить о религии и политике. Потому что у каждого своя правда. И никто никогда не узнает истину. Только вера в определенную концепцию способна поддержать ее. Только вера, – задумчиво повторил Сергей.

Андрей Михайлович был спокоен. Его боевой нрав отступил. Тело расслабилось. Он больше не воспринимал Сергея как противника, теперь он видел в нем единомышленника.

– И заблуждается тот, кто пытается навязать свою веру, – добавил Сергей. – Ибо вера – это лишь идея, дарующая приятное состояние ее автору или последователю. Но никто не сможет питаться верой насильно. Вера – это добровольный акт. И каждый верующий во что-то свое будет питать себя этой идеей. Эта идея никогда не подтвердится. Бог никогда не появится на Земле. Поэтому вера – это лишь топливо для энтузиазма.

Сергей держал спину ровно, так, будто у него вместо позвоночника черенок от лопаты. Его подбородок был чуть приподнят, а руки раздвинуты в стороны. Андрей Михайлович тоже не отступал. Его широко расставленные ноги были крепки, как корни огромного дуба, плечи расправлены, а лицо выражало спокойствие и уверенность.

– Я пришел сюда проучить тебя, – добродушно сказал последний. – Вдобавок я хотел доказать себе, что что-то из себя представляю. – Он шмыгнул носом. – Я долго готовился к этой встрече, и вот она состоялась. В один момент я даже почувствовал, как кладу тебя на лопатки. Я ощутил свое величие, только величие не дало никакой выгоды. Я одергивал себя, напоминая, что у этого человека тоже внутри живет Бог. Такой же Бог, как и у меня, такая же тишина. Я объяснил себе, что раньше ты поступал гадко и делал это из-за невежества. От страха. Бог видел, как внутри меня происходила борьба. Как месть боролась с прощением. И прощение расцвело в моем сердце. Я увидел твои грани, ты такой же

алмаз, как и любой другой человек. В тебе есть все стороны этого мира. Всевозможные проявления. Ты такой же, как и я. В тебе тот же состав, только в другой пропорции. Мы едины. Мы с тобой живем на одной планете, и если посмотреть на нее из космоса, то станет понятно, что наша жизнь – суета. Мы делаем простые действия. Инстинктивно добываем условный мед. Только для чего? – Он задумался. – А разве мы можем поступать иначе? – не дожидаясь ответа, сказал он. – В нас заложена такая программа. И мы выполняем то, что в нас заложено. Только кто это заложил в нас? Вот загадка всех загадок.

Сергей внимательно слушал Андрея Михайловича. По нему было заметно, как он относится к словам мужчины. Где-то он кивал, а где-то хмурился. Высказывания Андрея Михайловича не проходили мимо, Сергей активно реагировал на них.

– Мы будем делать то, что нам предначертано. – сказал психолог. – Как гравитация притягивает нас к Земле, как солнце дарит свои лучи, так и мы, люди, просто существуем, и единственное, что нам остается делать, – жить. Ни у чего нет смысла. Смыслом что-то наделяем мы сами. И если тишина, которая слушает твои мысли, – Бог, то так тому и быть. Я считаю, что нет никаких проблем в том, что человек во что-то верит. Но эта вера становится проблемой, если человек заставляет верить в нее других. – Сергей вышел из-за кресла. – Я приглашаю к себе клиентов для того, чтобы

не учить их жизни, я приглашаю к себе клиентов, чтобы они ответили себе сами, как им лучше жить. Мир многообразен, и представления о мире тоже. Я за живой ум. И пускай тебя не обманывают мои сертификаты за твоей спиной. Это лишь мнения других людей. Я услышал их и сформировал свое. Мне хорошо в мире своих концепций. Если тебе хорошо в своем, то давай закончим нашу беседу и разойдемся подобру-поздорову.

Андрей Михайлович кивнул Сергею. Он засунул руку в карман шорт и достал оттуда спичечный коробок.

– Догадываешься, что тут? – поинтересовался Андрей Михайлович и хорошенько потряс коробок у своего уха. – Живой.

Сергей, кажется, понял, что Андрей Михайлович принес в его кабинет, но все равно сказал:

– Я уже говорил, что не люблю играть в “угадайку”.

Посетитель приоткрыл коробок и показал его содержимое психологу, тот сел в кресло.

– Ты хочешь, чтобы я его съел? – после небольшой паузы ответил он.

– Если я попрошу тебя съесть жука, то я проиграю, – сказал Андрей Михайлович, – тогда мы с тобой будем одинаково слепые. Ты же помнишь, чему учил Ганди: “Принцип «око за око» делает весь мир слепым”. Я не хочу уподобляться твоей слепоте. – Он положил спичечный коробок между чайником и блюдцем с печеньями. – То, что я не потребую того,

что ты однажды потребовал от меня, причинит тебе больше страданий. Я оставлю его тут, и мы с тобой разойдемся. По-доброму-поздорову!

Сергей, не отводя глаз, смотрел на спичечный коробок на металлическом подносе. Слова Андрея Михайловича были где-то далеко, перед ним всплыло уже забытое воспоминание – хруст жука на весь корпус летнего лагеря. Он тогда сам сильно испугался и долго винил себя за то, что заставил сделать Андрея.

– Ну а теперь я, пожалуй, оставлю тебя, а то секретарша твоя, небось, вконец распереживалась.

На последнем предложении он повернулся к двери и уже через мгновение покинул кабинет психолога. В помещении возникла тишина. Только тонкое шкрябание жука в коробке напоминало Сергею о том, что происходило.

– Вот это ты сыкун, оказывается! – усмехнулся Сергей, вскочив со своей кровати.

– Он вдруг как свалится на меня ! – попытался оправдаться Андрей, закутавшись по шею одеялом.

– Трус ты, вот ты кто, – не успокаивался Сергей.

– Ничего я не трус!

– А вот и трус. Это любой в корпусе скажет. – Сергей стал искать одобрительные взгляды ребят. – Ведь так, или я вру? – Он нахмурился.

– Ага, я видел, ты чуть не заплакал, когда жук упал на

подушку, – заметил пухлый парень, сидя накрою своей кровати.

– И визжал громче любой девчонки! – добавил высокий голос. – «Жук, спасите, жук!» – спародировал он, держа руки у щек.

– Не было такого! – защищался Андрей.

– А вот и было.

– Если ты считаешь себя смельчаком, то сможешь этого жука хоть в руки взять? – поинтересовался Сергей.

– Конечно смогу! – Андрей посмотрел под свою кровать, жук все еще был там.

– А в рот положить его сможешь?

Андрей представил, как огромный зеленый жук ползает у него во рту. Его передёрнуло. Он крепко вцепился в одеяло и промолчал.

– Вот ты, Диман, смог бы положить жука к себе в рот? – Сергей обратился к толстяку.

– Легко!

– А ты, Петь?

– Проще простого!

– А вот я не только в рот положить, так еще и съест его смогу! – уверенно сказал Сергей.

– Раз можешь съест, то и ешь! – Андрей набросил на свою голову одеяло и спрятался от ребят.

– Я уже сто раз ел жуков и больше этого! А вот у тебя, похоже, кишка тонка!

Лежа под одеялом, Андрей думал о маме. Он больше не хотел быть в лагере, он хотел к ней. И хотя он обижался на нее из-за того, что она уговорила его приехать сюда, все равно очень скучал и ждал ее. Но до конца смены оставалось еще целая вечность, от этого хотелось плакать. Он не знал, как ускорить время и как сбежать из этого невыносимого места. Андрей чувствовал себя в заточении, прямо как герой любимого фильма «Человек в железной маске».

– Ничего я есть не собираюсь! – слезливым голосом пробубнил Андрей, не вылезая из укрытия.

– Это кажется, что жука есть страшно, на самом деле ничего такого! Попробуй! – Сергей сдернул одеяло и поднес жука к лицу Андрея.

Он встал с кресла и, сделав несколько кругов вокруг него, взял спичечный коробок с майским жуком внутри. Психолог заглянул в щелку. Насекомое пыталось вылезти на волю, но не помещалось в образовавшееся отверстие.

Сергей вернулся на кресло. Держа коробок в руках, он посмотрел на запись, которую сделал в начале сессии. Там было написано одно слово: “тревожность”. Сергей достал жука и, зажав его в кулаке, поднес ко рту. Зажмурившись, он притих.

– Вот прав же он, а? – пробубнил Сергей. – И вправду, один разговаривает, а другой слушает.

Сергей разомкнул губы и вставил жука себе между зубов. Не открывая глаз, он сжал челюсть и в комнате раздался

тот самый хруст, который слышал в детстве. Только теперь это хруст был не где-то далеко, теперь он звучал в его голове. Звонкий и до жути мерзкий хруст. Пережевывая насекомое, он взял свой планшет и, зачеркнув слово “тревожность”, сверху написал “Освобождение”. Тщательно прожевывая жука, он откинулся на кресло и, смотря в окно, повторил:

– Один разговаривает, другой слушает.